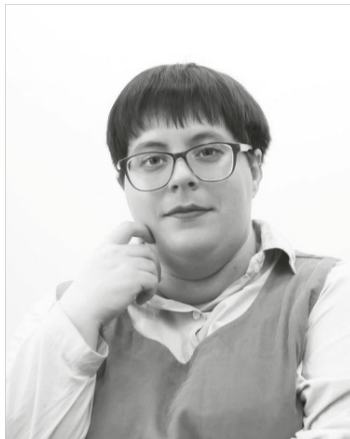


Марина Сычева



Марина Максимовна Сычева родилась в городе Кемерово в 1991 году. Окончила факультет филологии и журналистики Кемеровского государственного университета. Работает учителем русского языка и литературы.

Участник первого семинара молодых литераторов «Алтай. Нео-Лит» (2019), Межрегиональной писательской мастерской Ассоциации союзов писателей и издателей (АСПИ) в Екатеринбурге (2022), Соповещания молодых писателей Кузбасса «На 55-й широте» (2022).

Автор этнического фэнтези на основе якутской мифологии «Солнце в силках».

Рассказы Марины Сычевой публиковались в журналах «Огни Кузбасса» и «ПроЛитКульт», в альманахах «Кольчугинская осень» и «Пашня», а также в рамках литературного проекта Teens write.

Тигрицы

– Мам, ну есть же водопровод! – крикнула Алина в глубину дома и перевела взгляд на экран. – Она опять с речушки воды натаскала. Смотри, два полных ведра. – Развернула телефон так, чтобы стоящие в сенях вёдра было видно. – Ты бы поговорил с ней...

– Привычка, старикам сложно перестроиться. Потом, позже, мама оценит удобства, – экранный Дима поправил оранжевую каску и улыбнулся: глаза под тяжёлыми веками превратились в щёлки. – Как ты? Справляешься?

Алина опустила на ступеньку (интернет стабильно работал только на крыльце, в доме связь прерывалась) и вздохнула. Грузить мужа-вахтовика жалобами не хотелось.

– Приходится... Слушай, тут, поговаривают, золотодобычу откроют. И набирать персонал будут из местных...

– Папа! – зазвенело в недрах дома. Зашлёпали босые ноги по половицам, на Алину накатило детское, обнимающее. Ева повисла на спине Алины, тыкнула в улыбающееся лицо экранного папы альбомом. – Смотри! Я нарисовала!

Дима смешно округлил глаза, отпрянул в притворном испуге:

– Боюсь-боюсь! Какой страшный тигр!

– Пап, тигра не страшная! – Алинино замечание «Ева, не коверкай слова!» потонуло в смехе. – Тигра красивая!

– А ты – самая смелая: не испугалась тигру рисовать! – Дима обернулся, отвлѣкшись на кого-то по ту сторону экрана. – Всё, мне пора. Пока, любимые! Хорошего вам дня! Маму целуйте.

– И тигру! – выпалила Ева.

Экранный Дима исчез, Алина чмокнула дочь в нос, широкий, отцовский, и подтолкнула в дом:

– Собирайся, солнышко, в сад опоздаем!

Хорошо бы открыли рудник. А то какая семья: Ева отца только в телефоне и видит.

– Алиночка, ты не ругайся! – В сени вышла свекровь – низенькая старуха, сухая и плосколицая.

Алина глянула на цветастый заношенный халат свекрови. Новый, хлопковый, так и лежал на маминой полке, даже бирочка на месте.

– В речушке-то вода живая. А эта ваша трубная, как знать, откуда.

Уборка на кухне – первая работа в доме. А без главной помощницы, дочки, дело пойдёт споро. Почистить газовую плиту. Оттереть кухонный стол: наливая чай, мама неизменно проливала заварку и никогда не вытирала. То ли не видела бурых разводов, то ли не хотела видеть.

Зато за привычной работой не нужно было думать. Точнее, можно было думать о чём угодно, кроме того, что делали руки. Сегодня мысли были тревожные.

Еве четыре. Ещё год-два, и нужно переезжать в город. Алина-то хоть сейчас готова, да не по средствам им. И мама с обжитого места сниматься не хочет, упрямится. А Дима её одну не оставит.

Нет, здесь тоже жить можно. Хозяйства Алина не боится, даже любит. Но сама когда-то уехавшая из деревни, она помнит, как трудно было эту деревню из себя вытравить. Как посмеивались в университете над её разговором городские, как тяжело было после его окончания зацепиться, остаться, а не вернуться в глушь. И что толку? В итоге она здесь: деревня другая – суть та же. Поехала за мужем. Только обнять его раз в три-четыре месяца получается.

– Конечно, милая, – послышалось со двора. – Дело благое. Ты мне только пальчиком ткни, где, я и подпишу.

Алина встрепелулась, наскоро сполоснула руки и вышла во двор. Нахмурилась, завидев у калитки соседку-активистку.

– Здравствуй, Тома! – Алина упёрла кулаки в бока.

Высокая, в старомодном костюме, Тома напоминала героиню советских фильмов, этакую управдомшу: того и гляди выговаривать за что-то начнёт или деньги собирать. Тома держала планшет с бумагами. Мама щурилась, глядя в листы, но ручка в её морщинистых пальцах уже нырнула в колпачок – значит, подписать успела.

– Что у вас тут за благие дела?

– Алина, и ты подпишись. Слышала же: старый рудник хотят запускать, прииски. Только о золоте и думают! Это же скажется... на тайге, на экологии. У нас тут краснокнижные тигры, – веско сказала Тома и протянула Алине планшет.

– Нельзя тигров прогонять, тигры – душа леса. Они тут раньше нас живут, человека не трогают, знают, что за человека поплатятся, – свекровь закивала, глядя на ворох бумаг.

– Нет, вы с ума сошли все со своими тиграми: заботитесь о них больше, чем о людях. Дикае кошки и подвинуться могут. Уйдут глубже в лес, не страшно. А мы? Мама, а Дима? Прииск, рудник – что там будет – это рабочие места, развитие региона. Может, школу отремонтируют наконец, люди бежать из посёлка перестанут. И Дима здесь устроится, не будет пропадать на вахтах. А вы...

Воздух закончился. Слова тоже. Да и о чём говорить? С кем? У Тома на лице вежливое недоумение, пустое и гулкое. Мама смотрит странно, грустно и жалостно. Будто хочет прижать к себе, успокоить, погладить по больной головушке глупую девочку Алину.

Да ну их! К чёрту! Дочистить кухню, забрать Еву из садика... А там и день этот дурацкий почти кончится.

На стене два ряда детских рисунков: домики, палка-палка-огуречные семьи, портреты не то мам, не то принцесс, динозавр и фиолетовая птица в жёлтом небе. Работу Евы, крайнюю в верхнем ряду, Алина находит легко: чёрно-оранжевая кошка с огромными зелёными глазами.

– Алин, сейчас твоя прибежит. О, ты рисунки смотришь! – Катерина, совсем ещё молодая воспитательница, всегда светила улыбки. Наверное, потому они почти сразу перешли на «ты», хоть и не дружили. – Ева у тебя молодец: и нарисовала, и целую историю рассказала про охотника и тигриную принцессу. Похоже, сказка местная. Читаешь ей много?

Алина поморщилась недовольно. Увлечение дочери тиграми превращалось в манию.

– Это не я, это бабушка.

– Ну конечно, она же у вас коренная. Кстати, не ходите на речушку: там следы видели. Всех предупреждаю.

– У нас же водопровод. – Алина пожала плечами, ещё раз посмотрела на семьи палка-палка-огуречиков и спросила: – Твой же тоже вахтовик, да? Давно в отъезде?

Алина перебрала светлые волосики дочери, пахнувшие травяным шампунем, и подтолкнула её к комнате.

– Иди включай мультики!

После разговора с Катериной было смутно: Алина пыталась посчитать, сколько их, вахтовых жён, в посёлке. Сбивалась. Побывать бы одной. На кухне возилась свекровь. Алина заглянула, скривила губы: полная кастрюля начищенной картошки, только червоточинки мама не вырезает. Теперь всё заново перебирать.

– Мам, идите отдыхать, я закончу тут, – голос подвёл, выдал раздражение Алины. Свекровь, может, и хотела возразить, но только голову опустила и вышла. – На речушку не ходите больше!

Острый кончик ножа с треском входил в картофельную плоть. Алина вырезала червоточинки, а казалось – свои проблемы. Мать, как дитя малое, упирается, не принимает помощи. И хозяйство у неё не убогое, справляется, да всё какими-то странными методами. А Алина следи да переделывай. Плюхнув последний ломтик в воду, Алина громыхнула кастрюлю на плиту, чиркнула спичкой и повернула вентиль. Голубой ореол лизнул дно кастрюли.

Ладно, сегодня она переборщила всё же, маму расстроила. Но раздражение не пускало искать примирения. Зато тревожила идея.

Алина заглянула в зал и чуть было не выругалась. Опять тигр, словно мир сговорился против неё! Замерла, глядя в недовольную, злую морду на экране.

– Закон джунглей гласит... – мурчит с ленцой и самодовольством чёрная кошка.

– Каждый сам за себя – вот закон джунглей! – перебивает тигриный прихвостень.

Ева смотрит, как замороженная, тянет руку к экрану. Алина улыбается.

– Смотри, моё солнышко, тут тигр правильный. Такой, какой должен быть.

Прав Табаки: каждый сам за себя. Так почему бы не попробовать переиграть всех тигров и их защитников разом?

– Помнишь, я тебе про золотодобычу рассказывала? – Завязавшаяся инициатива жжётся, словно только снятый со сковороды блин: откусить бы, да горячо. Успехом хочется делиться, и потому Алина набирает Диму в неуточный час. Присаживается на ступеньку и тут же вскакивает. – Я прошлась по вахтовым жёнам, поговорила. Будем писать обращение, такой ведь шанс для посёлка! А наши, представляешь? Тома всех стариков обошла: защитим тигров! Тигров, понимаешь?

– Подожди, Алин, подожди, – Дима чешет нахмуренную бровь. – Ведь рудник навредит экологии. У нас же охотхозяйство под боком, люди едут со всего света на дикую природу смотреть, фотографий тигров, оленей, медведей сколько. Это же... такая огромная часть региона! Жизни!

– И ты туда же! Да для людей надо делать, для людей! Охотхозяйство? Ничего мы с него не видим. Там ведь штат – несколько человек. Работы нет в посёлке, сам знаешь!

Экранный Дима молчит, смотрит жалостно так – в его лице проступают черты матери. Алина смаргивает, говорить трудно.

– Я просто хочу, чтобы муж был рядом. Чтобы Ева росла с отцом. Рядом. Понимаешь?!

И нажимает «отбой».

Котёнок. Тянется к воде. На лапах стоит твёрдо, но движения ещё неловкие.

Не учуяла сразу. Теперь – любопытно.

Заросли густые, скрывают хорошо.

Пахнет не лесно́. Чужим буйнотравьем, дымом, как все недозвери, и – мягким, нежным.

Крадусь.

– Мам, – Алина старательно прячет покрасневшие глаза. – Где Ева? Во дворе не видать...

Свекровь аккуратно втыкает иголку в ткань. Вышивка едва начата, светло-оранжевый краешек, но Алине кажется, что сюжет будет тот же – тигры.

– Она на речушку пошла играть.

– Ева!

Не рык. Не рёв. Жалкое. Добычное.

На берег с той стороны потока выскакивает недозвёрица. Самка. И котёнок у воды – её.

Спина наливается силой. Мне ленно. Мне сыто. Но нелёпый котёнок так близко...

Недозвёрица видит котёнка, спешит к нему неловко, отступает – напрягаю лапы. Она замечает.

Не бежит. Не бросается к котёнку. Смотрит. Тигрится. И я смотрю.

Нелепая недозвёрица. Ни сильных лап. Ни когтей. Ни клыков. И всё же – тигрится. Чую в её запахе, в её взгляде: «Мы с тобой...»

Янтарные глаза, снизу подведённые чёрным. В лопатках играют мышцы. Подрагивает хвост.

Тигрица.

У воды – тигрице хватит и прыжка – Ева. Притихла.

Только не кричи, родная. Не дёргайся.

Алина находит янтарные глаза.

Уходи... Ты же тоже, наверное, мать... Или будешь...

Уходи... Не смей даже... Брошусь... Ногтями, зубами, чем угодно...

А с губ срывается неожиданное, едва слышное:

– Мы с тобой... одной крови.

Тигрица моргает. Напряжение в её спине ослабевает. Она делает шаг назад. В зарослях мелькает полосатый бок. И... прыгает в чащу, выгибаясь в дугу.

Алина смотрит в лес. Ждёт. Секунду, две, может, три – ушла, тигрица ушла. Женщина кидается к дочери.

– Ева?

Руки, ноги, плечи – цела. Алина целует дочь в макушку, прижимает к себе, отпустить страшно. Жива.

– Мама! Я тигру видела, там. А ты?

Алина всхлипывает.

– Мама, ты плачешь? Это потому что тигра красивая?

– Конечно, родная. Тигра очень красивая.